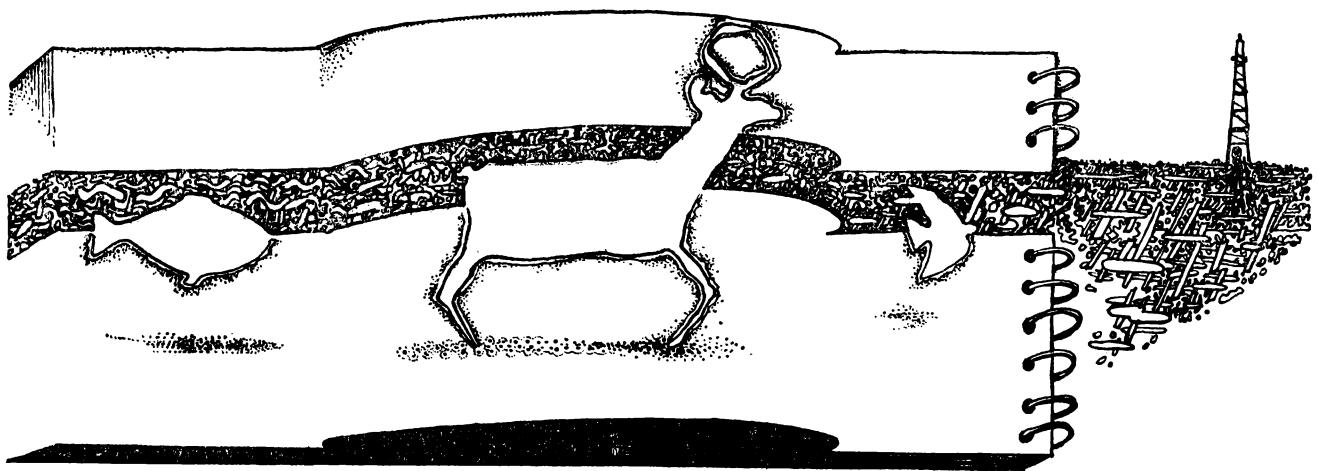

УРАЛЬСКИЙ

следопыт

2 '90

ЛАБЫТНАНГСКИЙ ДНЕВНИК

Николай ГОЩИЦКИЙ

Рис. Владимира Ганзина

Дни, проведенные в Лабытнангах...

Как не увидеть опять стаю брызнувших из-под колес куропаток — тучу белых комочков с черным пятнышком на хвостах, мглистый день, посеревшую тундру, долгий снег на холмах и дорожную нитку, петляющую у горизонта... Выйти к ночному поезду, идя от зажатой горами избушки на Красном Камне, и долго стоять, ожидая его огней. Совсем одиноким в спокойно оцепеневшем Полярном крае...

Двухчасовой полет над укрывшей все темнотой от скромного Березова, приютившего когда-то светлайшего князя Меньшикова, до столичного Салехарда. Ни огонька вокруг на сотни километров, и вдруг — целая россыпь их под крылом заходящего на посадку самолета.

Встретившая в аэропорту машина несет по зимнику через Обь к Лабытнангам. Вечер принес знакомство с Шишмаревым, директором Салехардского стационара; теплый дом и поздний ужин для гостя. Потом, когда вышли из дома, на пути к балку, где я должен был ночевать, вновь окунулись в светлое зарево. Слепила глаза цепь огней в отдалении, и я поинтересовался у провожавшего меня Шишмарева, что это там. «Зона...» — ответил он, хмыкнув. — Пора убирать уж ее, стоит чуть ли не в самом центре города... Но это не самое главное здесь, как вы понимаете.

«Семь Лиственниц» — так переводятся Лабытнанги, поселок или «город», как называют его лабытнанцы. Говорят, где-то семь лиственниц этих растут, но я их не видел. В округе деревьев мало, и все они против наших малорослы и некрасивы, как то подобает лесотундре. Когда-то на месте города существовало небольшое селение, позднее, в ходе бурного освоения края, Лабытнанги росли и ныне соперничают уже с Салехардом. История же самой «метрополии» уходит корнями к концу XVI века — к Обдорску, что позволяет его жителям несколько свысока смотреть на подросшего «не по годам» соседа. Впрочем, и лабытнанцы посмеиваются над деревянной одноэтажностью столицы округа.

Что отличает Лабытнанги, так это «минипарк», который поднялся на территории биостационара. Усилиями всех сотрудников «вырос настоящий зеленый оазис среди

унылых улиц северного поселка — наглядная агитация, как можно и нужно озеленять северные города». И улица, по которой стационар расположен, носит название «Зеленая горка».

СТАЦИОНАР

Датой его рождения считают год 1954-й. Поначалу Салехардский научно-исследовательский стационар располагался в столице округа, но с 1959 года был переведен в Лабытнанги. Становление и развитие его неразрывно связывают с именем Станислава Семеновича Шварца — движителя, идеолога всех изысканий научного плана, которые велись, ведутся и будут еще вестись в стационаре. Уважение к этому человеку неизменно встречаешь у всех, с кем доводится говорить сегодня.

А тогда, тридцать лет назад, все только еще начиналось. Появились первые две лаборатории и сразу же занялись делом: гидробиологическая — изучением промысловых рыб в Обской и Тазовской губах, зоологическая — птицами и млекопитающими Субарктики, в том числе отработкой методик прогноза численности песца на Ямале. О технической оснащенности работ в этот период и говорить не приходится: основное транспортное средство — лошадь.

«...Конюха уволить по собственному желанию... и временно поручить уход за лошадью, а также ответственность за телегу, ходок, упряжь и дугу...» — гласит один из приказов. На лошадях выезжали на полевые работы, на них же держалось все хозяйство. Во время передвижений в поле использовали оленей. По рекам двигались на весельных лодках.

В. М. Шишмарев, директор Салехардского научно-исследовательского стационара, кандидат биологических наук:

— С. С. Шварц был все же настолько мудрым человеком, что в свое время именно сюда поставил этот стационар и привлек специалистов. Задумывался он как базовый, для разъездов по территориям сотрудников Института экологии и не только его. Не знаю наверняка, но первоначальные мысли Шварца были, по-видимому, именно такими.

Постепенно стационар терял чисто базовое значение, стали проводиться кое-какие научные исследования. Образовались лаборатории ихтиологии, зоологии, немного позднее ботаники, выросли свои научные кадры. Многие, вырастая, из стен улетали, и нигде стационару и институту за них нестыдно.

Понемногу наладилось дело с техникой, появились моторы к лодкам, два катера, с 1955 года на работах внутри поселка — грузовая машина, а с 1962 года — первый вездеход «ГАЗ-47», который «с ходу» включился в работы на Полярном Урале.

В середине 60-х годов была создана ихтиологическая группа. В составе Полярно-Уральской экспедиции она разработала метод оценки численности стада рыб на основе фонда отложенной икры, средней плодовитости самок и соотношения полов в стаде. В то же время зоологи и часть ихтиологов изучали в рамках Международной биологической программы вторичную продуктивность биогеоценозов лесотундры Нижнего Приобья.

В начале 70-х годов ихтиологи изучали условия естественного воспроизводства сиговых и лососевых рыб в бассейне Северной Сосьвы и разработали рекомендации по рациональному использованию их запасов. Зоологи исследовали фауну Северного Приобья, особенно редких и ценных видов животных. Начались планомерные работы ботанического характера. Важнейшими из них стали разработка рекомендаций по видовому составу растений, пригодных для декоративного озеленения северных поселков, а также работы по продуктивности пойменных лугов как кормовой базы животноводства округа, проведенные Ю. Ф. Рождественским.

Ю. Ф. Рождественский, директор стационара в 1972-1987 гг., кандидат биологических наук:

— У станции много работы — вплоть до консультации по озеленению: к нам постоянно обращаются различные организации. Станция дает рекомендации по правильному использованию пойменных лугов, северных лесных и вообще растительных резерватов, по охране отдельных видов растений и т. д. Кроме того, большая нужда в семенах растений, пригодных для рекультивации поврежденных земель Севера. Прежде чем организовать семенное хозяйство, необходимо испытать многие виды растений, чтобы выяснить их устойчивость к жестким климатическим условиям, способность формировать дернину и плодоносить. Все эти вопросы может и должна решить группа ботаники стационара. Это задача номер один — решение биологической рекультивации. Ведь сейчас в Ямало-Ненецком автономном округе повреждено уже более 6 млн. гектаров земли, и с каждым годом площади повреждений увеличиваются.

В. М. Шишмарев: «Я не знаю, какую здесь реку называть, где бы я не был, проплыл и поработав на них всех...» — смеется он, отвечая на мои расспросы. От порога его квартиры до дверей кабинета в лабораторном корпусе — полторы-две минуты спокойным шагом. Полторы-две минуты средь сугробов, задавших дорожку, и поднявшейся хвойной поросли. Так все здесь: живут, где работают; работают, где живут. И дом, и работа сотрудников уместились на одной территории.

— После доклада на конференции по загрязнению Оби нашли меня как-то японцы — у них ведь тоже проблема загрязнения основательно стоит — что у нас в рыbach есть, спрашивали. Проще ответить, чего там нет! И пестициды, и гербициды, и дефолианты, много всяких нефтепродуктов. Недаром уловы сейчас так упали, особенно ценных видов рыб, — страшно подумать, что нас ждет впереди... В наших северных городах нет ни одного нормально работающего очистного сооружения. Взять хотя бы окружной центр — Салехард — их не строят, невыгодно. Это непроизводственная сфера и прибыли не дает. То же самое в Лабытнангах, правда, недавно прошла информация, что введут, наконец, очистные сооружения, но как-то слабо верится: корпуса уже стоят давно, а «начинки» в них нет. И дадут ее, по сведениям недавно образовавшегося

у нас отделения Госкомприроды, не ранее конца 1990-1991 гг. А до этого времени так и будет продолжаться: вывоз в лагуны, лагуны будут прорываться, и все, так или иначе, будет поступать в Обь. Рыба из нее попадает на наш стол, и круг замыкается. Что называется, безотходное производство... Но дело еще в том, что ни одни очистные сооружения в мире не дают стопроцентной очистки. Даже пятипроцентные сбросы из года в год, изо дня в день все равно накапливают большое количество вредных веществ. А там, глядишь, не сработало что-то, произошла авария, залповыи сброс, и все идет известным образом.

— А что тогда делать, сбрасывать отходы все равно куда-то надо?

— Сточные воды имело бы смысл после очисткипустить на технологические линии по замкнутому циклу, а не сливать их в реки. Можно часть возить в котельные, как это сделано у нас. Правда, и здесь, в Лабытнангах, свои странные — в отопительную систему включен и водопровод. Я не знаю, где еще можно найти город, чтобы ванные наполнялись водой, которая бежит по отопительным трубам. Любая авария — и все, что угодно, может политься в наши квартиры. Тем не менее, только на отопительную систему пускать эту вторичную воду вполне можно.

Так вот, если где-то говорят, что очистные сооружения пущены, то это еще палка о двух концах. Всегда привожу в пример Харп. Там на мощном заводе ЖБИ тоже не было очистных сооружений долгое время, и обстановка была настолько накалена, что грозились вообще закрыть этот завод. «Благодаря» его сбросам на Соби отмечалась вообще полная гибель рыб. Даже воспроизводство в отдельные годы было отрицательным: рыба отложила икрю, ждет потомства, а в конечном итоге гибнет и потомство, и сама рыба, которая пришла на зимовку. Пустили очистные сооружения, но тем не менее в воде реки Соби присутствуют постоянно какие-то посторонние вещества — те же нефтепродукты, фенолы, взвешенные частицы и т. д. В верховых реки ниже Харпа много органики, поскольку там развилась донная растительность, а должен быть чистый галечник.

Но это еще не все. Возьмем на Оби малые поселки. Мы-то возим питьевую воду в Лабытнанги с рек Хан-мей и Соби. Там же этого нет. Все поселки стоят на воз-вышеностях, колодца не выроешь, и воду приходится брать с Оби. Иногда раз сутками не взять эту воду: на реке нефтяная пленка, вода пропитана запахом нефти, и пить ее невозможно... А те же пестициды! Они ведь не имеют запаха, и люди потребляют их совершенно спокойно, не зная о том, что они пьют. Это настолько серьезно, что может расцениваться как покушение на жизнь человека...

ПРОГНОЗЫ

Их дает так называемая «Территориальная комплексная схема охраны природы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», разработанная на 1988 год Ленгипрогором. Из схемы следует, что если продолжать освоение региона на уровне действующих ныне методов, технологий, — к 2005 году можно ожидать следующих результатов:

Ущерб рыбным запасам составит 30 тыс. тонн ежегодного улова. Это, примерно, столько, сколько вылавливается сейчас. Следовательно, рыбные запасы сводятся полностью на нет.

Ущерб от загрязнения почв до 1985 года составил 3102 тыс. рублей. К 2005 году он составит 6477 тыс. рублей.

Ущерб от нарушений литогенной основы: существующий — 10,2 млрд. рублей, на 2005 год «проектируется» 22,6 млрд. рублей.

Ущерб лесному хозяйству: 1986 год — 70 млн. рублей, 2000-й — 343 млн. рублей. Ущерб животному миру на момент разработки «Схемы» составляет 11,8 млн. рублей, а к 2005 году он вырастет до 23,9 млн. рублей.

Ущерб от загрязнения воды огромен: сейчас поступает загрязнителей около 380 тыс. тонн в год. К 2005 году поток возрастет до 458 тыс. тонн. По Тюменской области с начала года освоения по 1985 год в загрязнение попало 12 млн. тонн нефти, в том числе 3,9 млн. тонн в речную сеть. Ущерб составляет 346 млрд. рублей, а в 1996-2005 годах — уйдет уже 20,8 млн. тонн нефти, что составит 598 млрд. рублей ущерба. Потери нефти только по Миннефтепрому с 1964 по 1985 год дошли до 35 процентов, а на 1996-2005 годы планируется при существующем уровне технологии 51 процент, и суммарный экологический и экономический ущерб составит 1,5 триллиона рублей!

Напрашивается вывод: ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА НУЖНО ИЛИ НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ, ИЛИ ХОТЯ БЫ ПРИОСТАНОВИТЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩИХ И СОВЕРШЕННО БЕЗВРЕДНЫХ ДЛЯ ПРИРОДНЫХ КОМПЛЕКСОВ ТЕХНОЛОГИЙ.

Это заключение совпадает с мнением многих специалистов, ученых и практиков. Однако какую же бурю вызывает сама мысль: прекратить освоение до лучших времен — у тех, кто имеет здесь свой интерес и совсем не желает расстаться со средствами, на эти цели отпущенными. Министерства и ведомства едины в порыве: не допустить! На конференции по Ямалу, проходившей в Надыме, где представители министерств встречались с учеными, последним довелось испытать всю силу натиска первых, когда министры, забывшись, кричат в микрофон, как у себя на селекторном совещании, а рабочие руки в зале вздымают плакаты: «Даешь Ямал!», «Ученых из кабинетов — на Ямал!» и так далее. Ученые, к чести сказать, держались твердо и точку зрения свою все равно отстояли, ту, которая сформулирована выше. Однако отстоять — еще не значит убедить.

«...Когда пролетаешь над Ямалом,— писала газета «Красный Север»,— видишь глубокие шрамы — колеи вездеходов, пересекающие весь полуостров. Черные полосы, местами затопленные водой, сходящиеся к местам промбаз и поселков — это страшные шрамы, по ним идет разрушение покрова, смывается почвенный слой, обнажается мерзлый грунт, начинается его протаивание — растут овраги один за другим, постепенно гибнет уникальный регион планеты... Природа тысячелетиями отбирала виды фауны и флоры в районах Крайнего Севера. Промышленное же освоение Ямала будет столь быстротечно, что может привести к стрессовому состоянию живой природы и даже к его гибели на больших территориях полуострова». С полным основанием сказанное можно отнести ко всему региону Тюменского Севера.

Человек в промышленных освоенных районах Субарктики изменил природу не за тысячу, а за десять — тридцать лет. И речь не просто о судьбе целого края нашей страны, хотя и это немало. Север, наряду с тропическими лесами, относится к числу регионов, от которых в решающей мере зависит сохранение экологических параметров биосфера, и потому сохранить его природу — непреложное условие существования человека на Земле.

ко не всех. Во всяком случае, и в годы застоя находились люди, отказывающиеся понять, почему право людей ходить по земле, где гоняли оленей их деды и прадеды, должно попираться во имя каких-то целей. Находились такие среди «приезжих», находились и среди коренных ненцев, хантов, других народностей Севера. Один из таких — Леонид Лапцуй, поэт, автор строк, приведенных в эпиграфе и написанных в годы застоя.

Теперь нам понятно: нельзя ожидать другого от системы, построенной на попирании прав меньшинства большинством. Действительно, когда выселяешь народы, взрываешь храмы и топишь земли, когда бесконечно уверен в своей правоте — в течение целой эпохи — смешно перемониться с амбициями оленеводов.

Дожили, однако, до новых времен. С трибуны партийного съезда, спохватившись, признали, что надо «заставить понять всех и вся, что суровый этот край нужно не осваивать, а обживать. Обживать основательно, обживать умно, обживать предусмотрительно».

Именно предусмотрительно. На очереди Ямал... Месторождения Бованенковской группы, открытые на полуострове, сделали его сегодня объектом повышенного внимания со стороны промышленников, ученых, местной общественности. Последняя, например, создала комитет за комплексное развитие Ямала, впервые в Союзе добилась создания экологической инспекции при окрисполкоме и т. п. Похоже, к Ямалу уже не подступиться со старыми мерками. Проблемы его нашли отражение в выступлениях делегатов первого съезда народных депутатов и кандидатов накануне его. «Умеренный» Ругин, писатель и активный член упомянутого комитета — за комплексное освоение и, стало быть, за разработку месторождений Ямала при условии соблюдения требований экологии полуострова. Крайний и «жесткий» Езенги, партийный работник, пониженный в годы застоя за споры «по делу» с начальством — хотел бы видеть Ямал недоступным промышленным разработкам, проектам и стройкам. За крайность суждений слынет «националистом», но при этом вполне европейское ученое население биостационара поддерживает его программу, а не конкурента.

В. М. Шишмарев:

— Что касается перспективы освоения Ямала, то мы не в состоянии сейчас решить многие вопросы. Вся стратегия освоения региона определялась призывом «Даешь!» Даешь Новый Уренгой, даешь Ямбург... Наворочали там очень много ошибок. И каждый раз, говоря: «Давайте учиться на ошибках», — повторяли их на каждом новом строительстве. Мы знаем, что каждое месторождение на Ямале имеет свою структуру. Бованенковское отличается от Харасавейского, а то, в свою очередь,— от Круzenштерна (это самая северная оконечность Ямала). Выясняется, что Ямал настолько молод, что применять там какой-то другой опыт, Ямбурга, например, совершенно опрометчиво. Можно натворить колоссальное количество ошибок и лишиться вообще всей территории полуострова.

Железная же дорога, которую планируется построить на Ямале, мне представляется скорее благом, но здесь нужно исходить из определенных целей: если мы строим ее только на Бованенково, то она во вред,— маленький этот кусочек земли быстро может исчезнуть. А если рассматривать железную дорогу как средство стратегического развития всего региона, то, может быть, надо строить ее вообще в другом направлении. Не должна стратегическая цель замыкаться на какой-то маленькой площади. Это главное. Через двадцать лет месторождение иссякнет, что дальше?

Конечно, цивилизация Ямала в какой-то мере неизбежна. Взять хотя бы вопросы снабжения, вывоза продукции. Накладные расходы на транспорт сегодня съедают колоссальные деньги. Если, как это и положено, развивать там оленеводство, рыболовство и рыболовство, то наверняка надо организовать и вывоз готовой продукции. И если мы сейчас пока плохо еще осваиваем эти озера, то оленеводство и пушной промысел уже дают богатый выход. Это нельзя сбрасывать со счетов. Тем более, что

ЯМАЛ

«И скважины пядь за пядью
Вонзаются в грудь Ямала.
Кинжалы рукоятью
Каждая вышка всталла...»

С детских лет помню набившие слух сочетания типа «Север — страна!», «Кладовые Севера», «Нефтяные богатства Севера — народу» и т. д. Пропаганда делала свое дело, создавалось устойчивое впечатление, что Север задолжал стране, и взять это долговое — наша задача. Взять, не считаясь с потерями. Лубочные картины из жизни жителей Севера убеждали: все это в их интересах. Кто же станет оспаривать блага попутного их приобщения к нашей цивилизации. Попутного и, так сказать, по «ускоренной программе». Однако блага эти радовали дале-

запасы газа и нефти исчерпаемы, в конце концов их не будет. Запасы же пушного зверя, оленей, рыбы при рациональном их использовании неиссякаемы. В этом смысле, я повторюсь, строительство железной дороги следует рассматривать не только для какого-то определенного отрезка времени, но и на постоянное пользование.

Кстати, железнодорожный транспорт — самый экологичный. Если мы возьмемся строить, например, зимники вокруг Бованенковского месторождения для доставки туда грузов, а строят эти зимники с четырех сторон, то каждый сезон будет происходить накатывание и утаптывание снега на широких площадях. С приходом весны такие места тают позже, а это приводит к задержке роста на них растений, которые затем запаздывают в развитии и, не давши побегов, семян, в конце концов погибают. При ежегодном повторении таких процессов произойдет деградация тундровых биоценозов, и при условии дальнейших разработок и освоений можно вывести из строя значительную часть ямальской тундры. К тому же зимники не решают проблемы летней доставки грузов, поскольку вся техника, которая у нас выпускается, настолько экологически неприемлема, что ее даже близко подпускать на почвы Ямала нельзя. Могу об этом судить, поскольку при нашем стационаре планируется создать полигон для экологических испытаний новой техники, и кое-что мы уже испытали.

НА КРАСНОМ КАМНЕ

Иду на лыжах. Огромных, неповоротливых, просунув валенки в ременные петли... С каким трудом иду! И падаю. В снег лицом. Пытаюсь встать — упираюсь ладонью в снег, и вместе с рукой ухожу под наст, царапаю щеку о твердые кромки...

Когда Балахонов, подвижный, всегда приветливый, спросил, не поеду ли я вместе с ним на Красный Камень, никто из нас не подозревал, что встанет так много проблем: и валенок нет, и одежда не та, и к утру надо быть в Лабытнангах у авиакасс. Но все разрешилось. Нашлись и тулуп, и валенки, а все остальное тихо отшло в сторону, раз есть возможность хоть полдня провести у Полярных гор. И медленный поезд увозил нас дорогой, которой, наверное, тысячи раз проезжали сотрудники, «гости» стационара; которой проехал когда-то и сам Станислав Семенович Шварц, приветивший это удобное для полевых работ место. Действительно, между прямым и обратным поездом есть время, и люди выходят на маленьком полустанке в долину, где между гор протекает чистейшая речка, где все поросло высоким кустарником, где можно набрать материал и спокойно уехать обратно.

Одна из вершин — Красный Камень — дала название всей площадке. Избушка, построенная Балахоновым. Уютная печь, пара нар, счастные припасы, журналы на полке и стол. Среди банок и кружек на нем — прибор, замеряющий температуру на высоте снежного наста. Эти температуры играют определенную роль в зимней жизнедеятельности грызунов, которыми Балахонов и занимается. «А есть ли они тут вообще?» — шучу я. «Есть,— откликается он,— кого только нет. Однажды проснулись под утро, а в это оконце царапает крыса... Должно быть, от горностая бегала».

Над входом висит коромысло, оно-то и стоило мне тревожных минут. Когда растопили печку, Владислав Сергеевич взялся за ведра, спросил: «Пойдете?» Ну как не пойти! На лыжах я с детства, беру коромысло, встаю на широкие лыжи, пошел за широкой спиной Балахонова... Когда я понял ошибку, избушка была уже далеко. Неумелая, неприспособленная нога вихляла по лыже, не чувствовала и не могла управлять. На каждом изгибе лыжни я падал. Глубоко проваливаясь тяжким телом, барабатился, силясь встать, точно мышь в сметане. Я удивлялся паденьям, потом вдруг подумал: а как Балахонов там с полными ведрами?.. Он выехал из-за кустов, держа по ведру в каждой руке. Увидев меня, ничего не сказал. Я стоял на лыжне, оперевшись на коромысло, и было

смешно и стыдно. «Поедете дальше?» — спросил он без тени иронии. «Поеду», — решил я и отдал ему коромысло.

Добравшись до речки, я выехал к полянке. Прилег возле кромки, тронул чистейшую воду рукой, и пил из ладони, и видел движенья холодной струи, дрожанье студеных камней на дне. Темнело, и небо очистилось, и там, в высоте, обнажились вершины; кричали, взлетая, какие-то птицы, а эхо вторило им гулко, подчеркивая вечный покой этих мест. Вот так протекали здесь сотни и тысячи лет... Прибрежный кустарник не вдруг раздавался, и взгляд открывал далеко уходящий пустырь, заснеженный и неровный.

Когда я вернулся, мы пили чай. Горела свеча, и сладко гудела печка, а в воздухе пахло промокшим бельем и тем особым запахом, каким обладает только тепло горячего очага. В отблесках света плясали по брускатым стенам тени, звучал его льющийся говорок, и с тихим скрипом крутилась пленка.

В. С. Балахонов, кандидат биологических наук:

— Что, холодновато? Надо спину придвигнуть ближе к печке, а стул развернуть в сторону... Во!.. И согреется. Так вот, два года я в этой избушке. Долго думал, где мне поставить ее для зимних работ. Вообще-то много народа ездит на этот Красный Камень, поднимаются на метеостанцию. Места очень красивые, и летом, осенью особенно, здесь просто паломничество. Вдруг, думаю, разорять будут. Но когда построил, то оказалось, что не ошибся: избушка живет пока, и желающих оказалось много приехать и поработать в ней.

— А раньше тут было что-нибудь?

— Когда-то здесь старый лагерь был, там, за рекой, куда мы ходили, до сих пор еще проволока колючая находится — остатки от бараков. Можно увидеть и двери с глазками...

— Как же я ничего не заметил?

— Сейчас-то под снегом все. Громадный лагерь был там, где кусты вот эти. Кладбище есть, т. е. остатки кладбища вольных, а кладбища зеков нет. Говорят, специально была учреждена экспедиция где-то после 53-го года энкавэдэшниками, они ходили по таким вот страйкам и уничтожали все. Об этом я в «Красном Севере» прочитал, там печатают репортажи о 501-й стройке: уже в наше время корреспонденты прошли пешком от Салехарда до Надыма по старой мертвотой железной дороге и собрали материал.

— А сами-то вы здесь давно?

— Когда еще студентом был, в 1965 году попал в Институт экологии. Потом, с осени, защитил диплом и сразу туда — как раз ставки были стажеров-исследователей... Поработал немного, пришел к Шварцу и говорю: «Станислав Семенович, можно я на Север поеду», — как раз с жильем у меня не получилось... «Ну, мы приветствуем» — и я поехал. И с тех пор здесь. Двадцать лет уже.

— Грызуны, которыми вы занимаетесь, это что, самочель для вас?

— Грызуны — как модель жизненной формы вообще — используются нами для заключений более широких. Такие модели биологи очень любят, лягушек, например, мышей белых: их много, и можно получить хороший статистический материал. Некоторые закономерности, которые мы открываем на мышах, можно ведь распространить и на человека. Человек, как сейчас говорят, существование биосоциальное, но био-то стоит впереди, и все законы биологические на него тоже действуют. И если существуют экологические цепи питания в природе, то человек является одним из звеньев этих цепей — высшим звеном. Мыши находятся ниже, накопление вредных веществ из той же нефти (например, бензапирена) поступает в их биологическую цепь питания и заражает хищников, питающихся мышами. Аналогично корова ест траву, которая заражена бензапиреном, человек потребляет молоко, мясо и тоже заражается.

— Владислав Сергеевич, вы ведь Ямалом тоже занимаетесь?.. Ну вот, насколько я знаю, существует гипо-

теза, по которой Ямал представляет осколок ледникового покрова арктического бассейна, погребенный под наносными слоями, или попросту — глыба льда. Теперь представим, найдутся такие, кто скажет: «Возьмем с Ямала, что можно, а там и пусть пропадает. Не будет его — что случится по крупному счету-то?»

— Скажу однозначно: если так вопрос будет поставлен, получится натуральный геноцид. На Ямале живут ненцы, и люди приезжие этого просто не понимают. Это их земля, и у каждой семьи — свои территории. Вот я знаю, например, ненца, он ежегодно стоит и пасет своих личных оленей на одном месте. Я, говорит, умру, и мой сын здесь будет пасти. Это только в наших головах дурацких представляется, что там пустое место. Сейчас около пятидесяти-шестидесяти семей уже лишены своих территорий на Ямале. В результате одних только разведочных работ. Это очень много. Вот мы пришли к ним, и ничего не спрашивая, начали у них хозяйствовать. А если бы к нам в квартиру зашли и развернули бы там все по-своему? Это проблема нравственная, люди могут лишиться родины. Некоторые так говорят: «А что, мы ненцев куданибудь переселим!» Ну как же, если фактически пятьдесят семей лишили их дома! Эту землю у них забрали, испоганили, а на другую-то их не пустят, ведь это земля другой семьи. Мы не можем понять, что их дом — это участок тундры, что так веками заведено. Если кто-то лишился дома, то я могу пустить его на квартиру, но он так и будет — жилец. Это в нашем понятии тундра вот такая огромная, общая, а на самом деле все знают, где чья территория. Там до речки граница, тут по озеру — так и ведется. Теперь голоса раздаются: «Вот, нужно личных оленей сокращать!.. У нас перевыпас на Ямале, не хватает корма...» Они не понимают простой вещи, что сократить — значит лишить того количества оленей, которое необходимо для жизни: двести оленей на семью, расчет в первом номере «Северных просторов» писательница Анна Неркаги приводит. А им разрешалось только 75 держать! Ну что это такое, когда им 50 нужно, чтобы только чум перевезти. Они ведь маленькие, олени, как собаки...

Ненцы — это такой народ, который не может сказать «нет», а мы этим пользуемся. Он очень гостеприимный, очень приветливый, скажут ему: «Надо!» — «Ну, нато... раснато... Та...» Вот Ругин, депутат от округа, говорит: «Да, Ямал нужно осваивать — стране нужны нефть и газ, но все это надо развивать в комплексе...» По мне, так как раз и не надо осваивать. Оставить на будущее. Где наши внуки брать будут все это, если, как выясняется, весь нефтяной пояс расположен по одному меридиану: Западная Сибирь, Кавказ, Ирак, Аравия и тому подобное? Летом я познакомился с Анной Неркаги. Это была случайная встреча на буровой, где она хотела нас «арестовать». Потом, когда разговорились и я сказал, что фамилия моя Балахонов и что это я писал в «Красный Север» об американском опыте развития Аляски, она обрадовалась. «А! Так это вы писали... А я давно мечтаю с вами поговорить. Ваша статья последнее время у меня на столе...» А я написал там специально, чтобы национальные чувства ненцев задеть. Эскимосы Аляски, писал, к тому времени достигли такого уровня образования, что среди них появились юристы, которые сумели доказать, противостоять нахому промышленников. Ну и на Ямале сейчас создали то же, что-то типа народного фронта. Борьба-то за Ямал идет, но они пока еще не совсем, видимо, представляют, как нужно делать...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Живет еще Север... Живет своей жизнью и детище Шварца — стационар в Лабытнангах, и делит судьбу с этим северным краем. Мысли его создателя — как напутствие тем, кто останется здесь и продолжит работу дальше.

...Должен вам сказать, что природа не умрет. За тысячи лет она отпрепарирует и исправит все, что мы с вами натворили. Вечен космос. Мы с вами умрем, вот в чем дело...

Лабытнанги — Свердловск.